

M.G. Miroshnikova
St. Petersburg State University

Разговорный синтаксис как стилистическая особенность современной прозы

В последнее десятилетие всё более распространённой в речевой сфере современной художественной прозы является ориентированность на разговорную речь. Это связано не только с демократизацией русского языка в целом, но и со стремлением авторов имитировать разговорную речь, ввести в повествование голос простого «человека с улицы». Подчёркнутое, демонстративное использование разговорной речи не только в персонажной сфере, но и в авторской изменяет общую композиционно-речевую структуру художественных произведений, расширяет несобственно-прямую (авторскую) речь, придаёт элементам разговорной речи экспрессивный характер. Ярким примером использования элементов разговорной речи в художественной прозе могут служить произведения Т.Толстой, Л.Улицкой, Л.Петрушевской, рассказы М.Палей, Е.Харитоновна, Д.Пригова, В.Пелевина и многие, многие другие.

Следует отметить, что основной целью художественно-презентируемой разговорной речи является не непосредственная коммуникация, а эстетическое воздействие на адресата.

Широкое проникновение разговорной речи в художественную литературу происходит на уровне всех языковых средств, но, прежде всего, – синтаксических и лексических. Особого внимания, по нашему мнению, заслуживают элементы разговорного синтаксиса, которые позволяют на языковом уровне найти общее у столь непохожих в литературоведческом плане писателей.

Говоря о синтаксических разговорных конструкциях, представленных в художественных произведениях 90-х годов, можно выделить три их основные разновидности:

- общие для разговорной речи и разговорной речи художественных произведений синтаксические единицы (эллиптические предложения), например: «После работы она заходила за ним в кабинет – никакой романтики...» (Т.Толстая. *Поэт и муза*)

«Там были два таких, знаешь, длинноволосых, в одной руке – копьё, в другой – песочные часы, все в латах, и вроде один их них – я». (В. Пелевин. *Хрустальный мир*)

- специфические приёмы опосредованного описания интонационных характеристик высказывания. Здесь хотелось бы упомянуть и участвовавшее использование тире, подчёркивающее расчленённость предложения, его ориентированность на звуковое произношение.

- речевые факты, отражающие своеобразие механизмов адаптации моделей разговорного синтаксиса к условиям художественного текста (прежде всего парцелляции):

«Николай Ефимыч долгое время проживал с женой у моей тётки Иры в деревянном домике на улице Засухина. В качестве постояльца, платящего за жилплощадь наличными деньгами раз в месяц». ...

«И имелась у него жена, торговавшая в промтоварной палатке на колхозном рынке. Елена Демьяновна. По прозвищу Демьян». (Е.Попов. *Как съели петуха*).

«Старичок только кашлял и рукой махал: ничего, мол. Не жилец уже. Чего там». (Т.Толстая. *Огонь и пыль*)

«Облака продолжали плыть по тёмному небу. Вещи – знать о себе. Опять ложился, ложился лицом в подушку. Приходили люди, увиденные или вспомнившиеся недавно. Совершали странные действия». (А. Лебедев. *Лирическая проза размером с среднюю ядовитую змею*)

«Как раз умирание сейчас и происходит. У нас это видно особенно ясно. Ведь это - ...уже агония. Или даже начало разложения». (В.Пелевин. *Хрустальный шар*)

Активное употребление парцеллированных и эллиптических конструкций в художественных произведениях последних десятилетий свидетельствует об изменении повествовательной структуры прозы. Авторское слово уступает место слову персонажей. В связи с этим можно говорить о преобразовании несобственно-прямой речи в «несобственно-персонажную» речь и рассматривать несобственно-прямую речь в качестве стилистической категории.

Парцеллированные и эллиптические конструкции придают высказыванию не только различные экспрессивные оттенки, но и задают определенный темп повествования: динамичность или замедленность, что связано с «пошаговым» изображением описываемого события. Подобные построения создают эффект внутренней напряженности или, наоборот, впечатление спокойного размеренного развёртывания ситуации. Текст, богатый пацеллированными конструкциями, создаёт ощущение внутренней ритмизации и интонационной целостности. Следует отметить, что явление парцелляции имеет место в произведениях всех современных авторов, но примеров так называемого «рубленого синтаксиса» больше всего в прозе В.Токаревой и Е.Попова, что несомненно связано с индивидуальным стилем этих писателей. Языку же Т.Толстой и В. Пелевина не свойственно активное использование подобных построений. Скорее наоборот, их синтаксис представлен большими полипредикативными единствами и синтаксическими конструкциями. Исключение, пожалуй, составляет «На золотом крыльце сидели» Т.Толстой.

Ориентированность большинства авторов на разговорный синтаксис в современной прозе позволяет говорить об активном закреплении элементов разговорной речи в речи письменной.

Ярким примером вхождения разговорных синтаксических структур в письменную речь можно назвать и явление синтаксической контаминации. Мы определяем понятие синтаксической контаминации как принцип построения

структуры предложения, при котором наблюдается либо синкретизм, либо аппликация, либо смешение взаимодействующих структур.

Среди контаминированных синтаксических моделей присутствуют как экспрессивные, так и нейтральные образования. В данной статье мы остановимся только на экспрессивных структурах, наглядно демонстрирующих богатство выразительных возможностей русского языка. Сознательное употребление контаминированной синтаксической структуры для придания речи образности, выразительности становится экспрессивным приёмом, закрепляется в языке как стилистическая фигура.¹ Намеренное использование ошибочного (с точки зрения нормы) явления для усиления какой-либо типической языковой структуры придаёт художественному произведению ту индивидуальность, которая способствует более полной реализации намерения автора: стилизации разговорной речи, стилизации ситуации и внутреннего мира героя: «*Но – и здесь открывался последний акт драмы наших отношений, – чем больше я желал вобрать её в себя, сделать своей, как обнаруживал, что натыкался на что-то твёрдое, непроницаемое для меня, какое-то чужое духовное ядрышко.*» (Ю.Мамлеев. *Тетрадь индивидуалиста.*)

«Являясь слабыми элементами устной разговорной речи, синтаксические контаминации превращаются в сильные элементы при переходе на языковой уровень, т.к. разговорность подобных конструкций позиционно независима, она чувствуется в любой форме речи».²

Анализ фактического языкового материала показывает, что контаминация синтаксических структур в роли экспрессивных конструкций в подавляющем большинстве случаев реализуется в такой стилистической фигуре как **анаколуф**.

Анаколуф (от греческого *anakoluthos* – *непоследовательный, неправильный*) - стилистическая фигура, состоящая в согласовании слов или соединении частей фразы по смыслу, вопреки грамматическим нормам.

Приведём примеры синтаксических анаколуфов на уровне предложения.

А. Анаколуф синкретичного характера.

1. Контаминация свободной и синтаксически обусловленной структур: «*А Гришуну нравилось это наглое поклонение; да ему, неразборчивому, всё нравилось на этом свете: и утреннее махание лопатой по утреннему снежку, и житьё в зале*

с камином, заваленном трухой, и то, что первый этаж и дверь отворена – заходи любой. (Т.Толстая. *Поэт и муза*)

2. Контаминация по цели высказывания: *«Он обожал этот спорт двухметроворостых богов, ценящих минимальную заземлённость – полёт за мячом, с мячом, вместо мяча – и, пусть земля по-бабьи цепляется за ноги, - пробег, пробег, мы стряхиваем её прах – прыжок»* (М.Палей. *Месторождение ветра*) – Повествовательно-побудительное предложение.

3. Контаминация предложений по эмоциональной окраске: *«А он, беспечный, ...простая душа, брал авоську, нагружал её простоквашей и сметаной и шел навещать заболевшую Лизавету, и приходилось идти с ним, и, Боже мой, что за берлога, что за комната, жёлтая, жуткая, заросшая грязью, слепая, без окон!»* (Т.Толстая. *Поэт и муза*).- Предложение начинается как повествовательное, а заканчивается как восклицательное.

Б. Анаколуф-смещение (однородный ряд, в котором в разряд однородных членов включается предикативная часть): *«...школьная подруга Гришуня, неудавшаяся актриса, немножко поёт под гитару...»* (Т.Толстая. *Поэт и муза*).

В. Анаколуфы-наложения.

1.Парентеза (вставные конструкции): *«...таких финишей наук Афанасий мечтал завести сколько захочется, квантум сатис (как выражалась аптекарь гадюка Алёнка, насыпая прошлый раз науку Афанасию ...порошок рвотного корня, с мудрой улыбкой при этом: в количестве сколько захочется)»*. (Л.Петрушевская. *Дикие животные сказки*)

2. Вводные конструкции: *«Крушение было назначено на тринадцать часов. Оставалось два с половиной, но, как сейчас помню, время это растянулось очень надолго»*. (Ю.Кисина, *Полёт голубки над грязью фобии*)

3. Контаминированные синтаксические конструкции с чужой речью, когда «чужая речь» узнаётся только по графическим показателям: *«И внезапно что-то колет его в сердце, какая-то жалость или обида, что-то типа «Им всё нужно наше», а потом какое-то чеховское «Надо жить и работать»»* (Л.Петрушевская. *Перезимуем*)

Однако наиболее распространенными в современной прозе являются конструкции аппликации косвенной речи на прямую (или наоборот): *«Николай уже не слышал товарища – он думал о том, как он завтра же изменит свою жизнь. Мысли были бессвязные, иногда откровенно глупые, но очень приятные. Начать надо обязательно с того, чтобы встать в пять тридцать утра и облиться холодной водой, а дальше такая уйма вариантов, что остановиться на чём-нибудь конкретном было крайне тяжело. И Николай стал напряженно выбирать, незаметно для себя приборматывая вслух и сжимая от напряжения кулаки».* (В.Пелевин. *Хрустальный мир*)

«Какая, в конце концов, разница, кто заинтересован в раскрытии преступления... Не надо путать «вкусное» и «принципиальное», говорила себе Настя. Если я могу быть полезной, ... то я должна сделать всё от меня зависящее». (А.Маринина. *Игра на чужом поле*)

Прямая речь настолько органично вплетается в ткань всего предложения, что авторы даже не считают необходимым выделить её графически. Подобные построения являются яркими примерами механизмов адаптации моделей разговорного синтаксиса к условиям художественного текста.

Следует отметить, что существуют более сложные синтаксические контаминации, объединяющие в одном высказывании разные анаколупные конструкции. Чаще всего подобные стилистические фигуры встречаются у авторов, предпочитающих большие синтаксические построения и полипредикативные единства. Это Т.Толстая, В. Пелевин, М. Палей: *«Над умирающим заламывала руки омерзительно красивая женщина с трагически распущенными волосами (потом, правда, оказалось, что ничего особенного, всего лишь Агния, школьная подруга Гришуни, неудавшаяся актриса, немножко поёт под гитару, ерунда, не с той стороны грозила опасность) – да, да, она вызывала врача, спасите!»* (Т.Толстая. *Поэт и муза*) – Парентеза, анаколуп-смешение, контаминация по цели высказывания, контаминация прямой речи на косвенную. В данном случае ведущей стилистической фигурой является парентеза, на которую наслаиваются фигуры-спутники, усиливающие экспрессивность высказывания.

Таким образом, контаминированные синтаксические конструкции представляют собой некую микросистему в общей системе стилистических фигур. Целью использования контаминированных структур может быть и усиление выразительности повествования, и преднамеренное воздействие на адресата.

Широкое использование разговорных синтаксических конструкций в современной прозе, высокая частотность их употребления свидетельствуют о соединении голоса автора с голосом персонажа. Такое объединение усиливает экспрессивность современной прозы и эмоциональный контакт персонажа с читателем, что, в свою очередь, приводит к изменению общей композиционно-речевой структуры художественного произведения.

1. Г.Н.Акимова. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка. Л., 1982.С.85-89.
2. И.В.Пекарская. Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского языка. АКД. Екатеринбург, 1995. С. 12.
3. В.Ерофеев. Русские цветы зла (Родная проза конца XX века). М., 1997.
4. Л.Петрушевская. Собрание сочинений в 5-ти томах. М.,1996.

Контаминация – от лат. слова *contaminatio* (соприкосновение, смешение) – объединение в речевом потоке структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости. В результате происходит «обмен» компонентами таких единиц, напр., в русск. *«играет значение»* - *«играет роль + имеет значение»*.

Обычно К. Наблюдается в сфере разг. речи и явл. отступлением от нормы.

Гл.образом наблюдаются в сфере фразеологии («в недалёком прошлом» при нормативном «в недалёком будущем») и в синтаксисе: *«Последнее, на чём я остановился, это на вопросе..»* при нормативном *«это вопрос»*.

«Ужасно люблю рассказы про красных кавалеристов, и чтобы они всегда побеждали» (Драгунский).

Сходный с К. Процесс называют интерференцией.

Парцелляция – (от фр. Parcelle – частица) – способ речевого представления единой синтаксической структуры предложения несколькими коммуникативно самостоятельными единицами.

Эллипсис – (от греч. elleipsis – опущение, недостаток) – пропуск в речи или тексте подразумеваемой языковой единицы, структурная неполнота синтаксической конструкции.

Используется в ораторской речи и худ. Литературе как стилистическая фигура.